

Дипломатия взаимного узнавания: общение администрации и «инородцев» в восточных регионах России

Вадим Трепавлов

A diplomacy of mutual recognition: the communication of local authorities and the non-Slavic population in the Eastern regions of Russia

Vadim Trepavlov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Символы и ритуальные действия сопутствовали истории российской государственности с ранних этапов её существования. Среди прочего они играли важную роль в отношениях с неславянским населением страны. Власть стремилась достичь по возможности более тесного сближения официоза и народных представлений о правителях, в идеале — их совпадения, чтобы подданные идентифицировали себя с правящей элитой. При этом, наряду с содержательным и психологическим аспектами, очень важна была эмоциональная составляющая образов власти. Она выражалась на уровне массового и индивидуального сознания в отношении к власти, сравнении её идеального образа с реальной политикой, правителей прошлых лет — с нынешними, в оценке её действий как соответствующих социально одобряемым принципам или нарушающих их. Поддержка со стороны населения необходима для успешного функционирования любой политической системы, которая нуждается не просто в лояльности, но в психологическом сочувствии и содействии управляемого социума. Важнейшим условием успеха является характер взаимосвязи власти и народа: существует ли обратная связь, как часто и каким образом правящая элита общается с народом, насколько она открыта для этого.

Данная статья посвящена организации контактов местных властей с населением в восточных регионах России XVII — XIX вв. Гражданские и военные начальники и канцелярии осуществляли на подведомственных территориях политический курс, определявшийся в столицах. Таким образом, через провинциальные органы управления осуществлялось «удалённое присутствие» монарха на всём пространстве огромного государства.

Одним из знаков такого присутствия была установка в особых помещениях царских тронов, которые размещались в региональных центрах и олицетворяли персону правящего государя. Когда Екатерина II решила объединить Тобольскую и Иркутскую губернии и возродить Сибирское царство, ликвидированное в ходе петровских реформ начала XVIII в., в резиденции тобольского наместника водрузили престол, на ступенях которого тот принимал остяцких князцов и казахских султанов. Троны для региональных начальников были установлены тогда и в других наместничествах¹. Престол и висящий над ним парадный портрет

© 2018 г. В.В. Трепавлов

¹ *Азнабаев Б.А.* Императорский трон Уфимского наместничества // Река времени. Уфа, 2015. С. 33–39; *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб., 1887. С. 131, 132; Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766–1836. М., 1868. С. 17.

олицетворяли физическое присутствие государя и освящали его властью всё, что происходило в тронном зале.

Социальный статус «инородческой» знати не позволял ей свободно и по каждому поводу общаться с монархом. Поэтому она налаживала повседневные контакты с региональной администрацией. В силу близкого соседства и знания внутреннего состояния окрестных владений последняя зачастую играла большую роль в жизни регионов, чем далёкие столичные инстанции. Но не всегда эти взаимоотношения складывались просто. Девизом этнической политики, сформулированным ещё в XVII в., можно считать требование государя местным управленцам обходиться с подведомственными народами «лаской и приветом», «лаской, а не жесточью». Монархи регулярно подчёркивали свою высочайшую благосклонность к «инородцам» (Николай II: «Я всегда отношусь к бурятам с особым милосердием»²), и эта позиция по негласным канонам самодержавного государства, пусть и с искажениями, распространялась по управленческой лестнице. Очень часто в правительственных документах XVII–XIX вв. встречаются распоряжения центральных органов на места оградить иноэтничное население от несправедливых поборов, посягательств на исконные угодья, произвола и обмана со стороны русских начальников. Европейский наблюдатель в конце XVII в. отмечал, что в Сибири «туземцев судят справедливо при разбирательстве с русскими. Суд защищает русских не больше, чем туземцев, ибо Его Величество желает их удержать справедливостью и доброжелательностью»³. Неслучайно многие востоковеды XIX — начала XX в. утверждали, что Россия превосходит своих геополитических конкурентов в деле имперского строительства, так как русские не страдают расизмом и способны относиться к этническим меньшинствам как к равным⁴.

В то же время гуманные идейные установки вовсе не предохраняли строителей Российской империи от демонстрации своего культурного превосходства над «дикими» народами окраин (возможно, осознание такового было заимствовано у европейских «просвещённых мореплавателей»⁵). Довольно обычным был произвол местных властей, особенно в краях, удалённых от столичного надзора. Порой, пользуясь огромными полномочиями⁶ и безнаказанностью, провинциальные чиновники наживались на запуганных и безропотных «инородцах». Расхождение между правительственными призывами и практикой межэтнических отношений на местах отмечалось и обличалось в русской публицистике⁷, но именно в силу своей традиционности, пожалуй, признавалось неискоренимым.

² *Цыремпилов Н.В.* За святую дхарму и белого царя. Российская империя глазами бурятских буддистов XVIII — начала XX веков (URL: <http://www.torchinov.com>). Эта фраза приписана царю в биографии хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова.

³ *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. II. Амстердам, 2010. С. 978.

⁴ *Толыц В.* Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX — начала XX века // *Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 277, 297. Впрочем, такое же самомнение было присуще европейцам-строителям колониальных империй, уверенным в своей большей гуманности, лучшей способности понимать аборигенов, в превосходстве собственных имперских проектов.

⁵ *Вульпиус Р.* Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // *Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 36.

⁶ Например, туркестанских генерал-губернаторов со времен К.П. Кауфмана местное население титуловало *ярым-падиша*, т.е. «полуцарь, наполовину государь».

⁷ «Замечательно, что по традициям нашего законодательства и руководствуясь здравой политикой, высшие власти и лица образованные обходятся с инородцами ласковее и гуманнее, чем

Демонстративная благосклонность к «инородцам» диктовалась не только и даже не столько гуманностью правительства, сколько соображениями прагматическими. В 1635 г. астраханским воеводам был послан царский наказ держать «ласку и береженье» по отношению к прикочевавшим к городу ногаям, давать защиту от любых притеснений, «чтоб они из Астарахани не ушли никуда... чтоб от Астарахани не отгонить» их⁸. В другом наказе астраханцам в качестве резона для «ласки, и привета и береженья» называлась также необходимость привлечения под государеву «высокую руку» новых кочевых подданных⁹.

Южные степняки в XVII и начале XVIII в. представляли ценность для правительства ещё и как мобильная военная сила. Канцлер Г.И. Головкин писал казанскому губернатору П.М. Апраксину в 1712 г.: «Извольте, мой государь, с ними обходиться ласково, ибо нынешнее время есть в них нам надежда»¹⁰ (имелось в виду участие калмыцкой конницы в баталиях Северной войны). Употребление оборота «нынешнее время» говорит о, казалось бы, преходящем, конъюнктурном характере канцлерского указания. Однако на деле политика по отношению к этому народу не обретала откровенно насильственных форм. Во второй половине XIX в. калмыки признавались в общественном мнении «за один из самых благонадёжных народов, населяющих Россию»¹¹. Правящие круги империи были убеждены в благотворном воздействии российского подданства на его устроение. Екатерина II считала, что пребывание под властью русского монарха «составляет его безопасность и предохраняет от разсеяния, какое протчия подобныя и одинакого с ним поколения народы... уже претерпели»¹².

Необходимо также было обеспечить лояльность народов Северного Кавказа, присоединение которых к России растянулось на столетия. По мере взаимодействия с ними генералы и чиновники осознавали, что, при всей убедительности русской военной мощи, требуется демонстрировать горцам терпимость и благожелательность, сочетаемые, впрочем, с властной твёрдостью. В письме главнокомандующего на Кавказе А.П. Тормасова военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли (1812) находим такие наблюдения: «Горцы при послаблении им делаются наглы, а при строгости не токмо умеренной, даже и жестокой, но справедливой, когда она соединена с попечением о их благе, делаются они покорны до рабства». Ниже автор письма рассуждает о желательности «привлечь их к себе чрез кроткое и справедливое ими управление»¹³. Именно «кроткими мерами, употреблёнными генерал-майором Дельпоццо», объяснял А.П. Ермолов приведение в покорность ингушей — «народа воинственного», по его компетентной

местная сибирская администрация и господа исправники, применяющие самое грубое обращение к инородцам и роняющие русское имя неправдами и несправедливостью» (Алтайские инородцы в Петербурге // Восточное обозрение. 1883. № 11. 11 марта. С. 3).

⁸ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1846. С. 151, 152.

⁹ Там же. Т. 4. СПб., 1851. С. 257.

¹⁰ Цит. по: *Шовунов К.П.* Калмыки в системе военной организации России XVIII века // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста, 1985. С. 41.

¹¹ *Воронцов А.* Несколько слов по поводу верноподданнейших адресов от калмыков Астраханской губернии его величеству государю императору Александру Николаевичу // Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 43. С. 5.

¹² Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Элиста, 2004. С. 123.

¹³ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IV. Ч. 1. Тифлис, 1870. С. 828, 829.

оценке¹⁴. Удивительно читать об этом у военачальника, который в глазах горцев стал олицетворением беспощадного военного насилия.

Когда эпоха присоединения к России какого-либо региона (иногда в виде завоевания) отходила в прошлое и устанавливалась спокойная жизнь, усилия по его обустройству находили отклик среди новых подданных. Правда, чтобы оценить эти усилия, должно было пройти порой немало времени. Коренные жители Туркестанского генерал-губернаторства помнили и завоевание Ташкента, и ликвидацию Кокандского ханства, и приведение к покорности правителей Бухары и Хивы. Но при этом они отдавали должное мерам русских наместников по налаживанию мирной обстановки и хозяйства в крае: «Когда Черняев сделался начальником, народ наш успокоился... дороги вымостились камнем, из озёр со стоячей водой оросились наши поля... Во время Кауфмана... исчезли воры и обман... Семидесятилетние старики наши переменяли одежду из домашнего сукна на ситцевые штаны»¹⁵.

При этом никакой идиллии в русско-мусульманских отношениях, конечно, не было. Внешнее почитание власти иноверцами не обманывало государей и чиновников. Хотя Екатерина II и бурно восхищалась покорностью и миролюбием татар в новоприсоединённом Крыму¹⁶, во всякое военное и предвоенное время, как и вообще в напряжённой обстановке на границах, всегда присутствовало ожидание «инородческого» мятежа. Так было в Астрахани 1620-х гг., которая тогда представляла собой русский анклав в пустынных враждебных степях¹⁷. Так продолжалось и в конце XIX в., когда, под воздействием Андиганского восстания 1898 г. и соперничества европейских держав — конкурентов России в Азии, министр финансов С.Ю. Витте призывал вместо лояльности к приверженцам ислама «поставить отношения противоположные: недоверие и нетерпимость»¹⁸. Будто вторя ему, туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовский тогда же докладывал царю, что «чистый мусульманин, крепко верующий в букву Корана и шариата, не может быть искренним, верным другом христианина». Он уверял, что покорность среднеазиатских народов — показная, неискренняя: «Азиатская лесть принимается нами за чистую монету, а страх перед нашею силою — за чистосердечную преданность»¹⁹.

Власть отдавала себе отчёт в том, как важно демонстрировать хотя бы внешнее внимание к подданным, говорившим на разных языках и исповедовавшим иные религии. Так, например, во время торжественного обеда в честь прибытия Александра III во Владикавказ в 1888 г. «государь пил за здоровье каждого племени отдельно»²⁰ (т.е. за каждый из подвластных народов Кавказа) — и это

¹⁴ Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. II. 1816–1827 г. М., 1868. С. 20.

¹⁵ *Веселовский Н.И.* Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. СПб., 1894. С. 61. К.П. фон Кауфман и М.Г. Черняев — туркестанские генерал-губернаторы, соответственно в 1867–1882 и 1882–1884 гг.

¹⁶ «С сим приобретением, исчезает страх от татар»; «от татар мы видели ласку, как не воображали» и т.п. (*Есипов Г.В.* Путешествие Екатерины II в южную Россию в 1787 г. // Киевская старина. 1891. № 9. С. 417; Приложение к камер-фурьерскому журналу 1787 года. СПб., 1889. С. 27).

¹⁷ Царская грамота воеводам: «Астрахань место украинное, около Астрахани и под Астраханью живут иноземцы те, у которых Астрахань взята за саблюю кровью, в Астрахани живут иноземцы многие, и толко б... татаровя, сослався с теми татары, которые живут в Астрахани, видя их (воевод. — В.Т.) оплошку и небреженья, похотели учинить над Астраханью какую измену... и в те поры было и пособить тому нелзе» (Дворцовые разряды. Т. I. 1612–1628 г. СПб., 1850. Стб. 842).

¹⁸ *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М., 2004. С. 175–176.

¹⁹ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX в.). Сборник материалов. М., 2006. С. 143, 155.

²⁰ *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе 18 сентября — 14 октября 1888 года. Тифлис, 1889. С. 54.

был не просто застольный ритуал, но проявление благорасположения и приязни к полиэтническому населению края.

Ещё одним, крайне важным в выстраивании добрососедских отношений с «иностранцами» действием были приёмы, которые регулярно устраивали местные власти — представители центра на отдалённых территориях. Это были мероприятия гораздо более частые и деловые, чем высочайшие аудиенции в столице. Помимо практических задач, связанных с контролем над подвластным населением и сбором податей, их смысл заключался в демонстрации могущества и богатства государства. Кроме того, в повседневных и, в общем, не столь официальных контактах представителей этнических элит с их региональными патронами долго сохранялся оттенок патернализма, что сказывалось и на более доверительном характере взаимного общения²¹. Личные встречи с царскими наместниками были важны для социальной верхушки «иностранцев» ещё и ради подтверждения благожелательного отношения со стороны верховной власти. Отказ во встрече грозил формированием в народе негативного впечатления и мнения, будто русские знатного человека «ханом сами учинили», а теперь воевода или губернатор «над ханом и над народом нашим посмешство чинит»²².

Уже в XVII в. такие встречи превратились в систему, к примеру, в Сибири, где в степях, тайге и тундре расселялись разноэтничные племена, в основном обложенные *ясаком* (или, в южных районах, *алманом*). Князцы, «лучшие люди» и представители ясачных волостей, общим числом порой в несколько тысяч, собирались у воевод (позднее — у губернаторов) и начальников более низкого уровня не реже одного раза в два-четыре года. Поводами для сбора служили своз ясака, вступление в должность очередного русского управленца, присяга новому государю, объявление «государева жалованного слова» и т.д. В городах с компактным русским и туземным населением «иноземцев» приглашали по случаю больших праздников. Изредка приёмы устраивались и жёнами первых лиц провинции. Ясачный сбор превращался в торжественное действо. Плательщиков вели в воеводскую канцелярию — съезжую избу — между двух рядов служилых, палили в их честь из пушек (если таковые имелись). И воевода, и стрельцы с казаками были в парадном «цветном платье».

Как правило, подобные мероприятия подразумевали материальную составляющую — взаимное одаривание. Во многих местностях Западной и Южной Сибири русские начальники, следуя древней местной традиции «подарок-отдарок», принимали положенный объём податей и вручали плательщикам ответные дары, иногда превышающие по стоимости размеры дани. «Государевыми подарками» могли быть зипуны, азямы, яркие цветные кафтаны (особо любимы были пошитые из алого сукна), шубы, ткани, другие ценные предметы, провизия «на корм». Оружие в XVII в. считалось «заповедным товаром» и никогда не дарилось. Но в следующем столетии в практику вошло награждение князцов кортиками. В Восточной Сибири же обычай отдаривания в отношениях власти и коренного населения не прижился, так как те края были очень бедны ресурсами, а снабжение с запада налаживалось долго и трудно. К тому же соперничество с Монголией и Китаем за подчинение ясачных плательщиков вызывало спешку в объясачивании и не позволяло уделять внимание материальной заинтересованности туземцев в подданстве.

²¹ Ерофеева И.В. Письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII — середины XIX в. как исторический источник // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.: Сборник исторических документов. Т. I–II. Алматы, 2014. Т. I. С. 16.

²² Эпистолярное наследие казахской правящей элиты... Т. II. С. 45.

Обязательной частью приёма был «государев стол» — пиршество, устраиваемое за счёт казны. Для него пекли хлеб, выставляли вино, которое специально для таких событий рассылалось из административных центров по уездам²³. Случалось, вместо вина по каким-то причинам на стол выставлялось пиво, и тогда в Москву шла жалоба «иноверческих» князцов на «нечестный» приём их воеводой²⁴.

Ясачные сборщики, посланные за урочной пушшиной, забирались в самые глухие места края. Они вызывали к себе разноплеменных плательщиков и тоже вынуждены были совершать некие ритуальные акции. Конечно, те выглядели несравнимо скромнее воеводских. Ведь служилым приходилось дорожить в таёжной и тундровой глуши каждой крошкой провианта и к тому же держаться настороже в окружении массы «иноземцев». Последних угощали «чем Бог послал»: чаем, сахаром, сухарями... Затем русский начальник произносил речь о том, что «царь-солнце» любит своих подданных, заботится о них и посылает им подарки. К последним переходили после расчётов с ясак — и нужно было быть готовым к недовольству их количеством или ассортиментом²⁵.

Среди «иноземцев» в контактах с сибирскими наместниками выделялись калмыки. На протяжении XVII в. они постепенно мигрировали через территорию Казахстана и тесно общались с русскими властями Сибири. К концу столетия основная их масса сосредоточилась на нижней Волге, в вассальном ханстве. Но прежние связи с воеводами Тобольска — «столицы» зауральского края — они сохранили. Калмыцкие послы то и дело наведывались туда, чтобы справиться о государевом здоровье и предложить свои услуги в качестве воинов. Воевода встречался с такими посланцами лично, если те оказывались высокородными кочевыми князьями или были посланы от правителя калмыков. Прочих сразу отправляли на постой в пригород и для выяснения цели приезда посылали к ним подьячего. Необходимый протокол, тем не менее, всегда выдерживался: ежедневно посланникам выделялось пропитание, а при отъезде дарилось сукно. Неудивительно, что «благодаря такому щедрому приёму, эти послы часто остаются по целым годам, хотя бы им нечего было делать»²⁶.

Совсем другой приём оказывали оренбургские наместники казахским ханам и султанам. Согласившись на включение своих владений в состав России,

²³ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993. С. 191; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 73; Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 68; Витсен Н. Указ. соч. Т. I. Амстердам, 2010. С. 978; Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 84; История Якутской АССР. Т. II. М., 1957. С. 63; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов. Л., 1935. С. 188, 189; Люцидарская А.А. Договорные отношения в Сибири сквозь призму мировоззрения социума (XVII — начало XVIII века) // Народонаселение Сибири. Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 81, 82; Перевалова Е.В. «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // Народонаселение Сибири. Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 171; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века). Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999. С. 45, 46; Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 72, 73.

²⁴ Коллманн Н.Ш. Соединённые чеством. Государство и общество в России Раннего Нового времени. М., 2001. С. 94.

²⁵ Зуев А.С. Русско-аборигенные отношения на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII–XVIII веках: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири. Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 142.

²⁶ Витсен Н. Указ. соч. Т. I. С. 360, 361; Титов А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 183, 184.

правители восточных степей на протяжении первого столетия имперского подданства сохраняли за собой монархический ранг. Власть стремилась расположить к себе кочевую элиту, привить ей убеждение в верности геополитического выбора. Поэтому её представителей встречали в Оренбурге и Орске торжественно и радушно, по тщательно разработанному сценарию, в котором сочетались черты российского придворного церемониала и традиционные ритуалы Востока. Поводами для приглашения служили не только практические вопросы, требовавшие переговоров, но и общегосударственные праздники (дни рождения правящих государей, появление на свет их наследников и др.). К тому же неправославные жители отдалённых окраин приобщались таким образом к имперской политической культуре, начинали ощущать себя частью государственного организма.

Как правило, хан появлялся в окружении многочисленной свиты из родственников, султанов, старшин, батыров, слуг. При приближении к месту встречи их встречал конный отряд во главе с несколькими офицерами. С отрядом шли заводные лошади в богатом убранстве и иногда ездовая коляска. К главе казахской депутации присоединялись верховые русские офицер и переводчик. Вся эта кавалькада проезжала мимо выстроенных в парадном строю местных войск, отдающих честь, под звуки труб и грохот литавр армейских музыкантов. В честь высоких гостей палили пушки. Дальше русская культура уступала место восточной. Рядовые спутники хана спешивались у внешних ворот двора дома или шатра, в котором предстояла «аудиенция». Там же складывали всё свое оружие. Султаны покидали седла посреди двора. Хан же спускался с коня перед самым входом. Там его встречал офицер; через несколько шагов — другой офицер, более высокого звания; ещё через несколько шагов — третий, ещё более высокого. В помещении для приёмов, специально устланном коврами, хана ожидал строй штаб-офицеров. Разумеется, все участники этого ритуала были «в лучшем платье».

Официальная часть нередко начиналась с намаза, например, о здравии царствующего императора. Затем рассаживались с учётом исконных кочевых канонов: в центре — хозяин церемонии, хан — справа от него, за ним справа и слева располагались остальные высшие офицеры и царевичи. Султанам были отведены стулья. Более худородным членам депутации надлежало садиться на пол, на ковры, что они и делали в главном помещении или в передней.

Визит завершался непременно обедом, продолжительным и обильным. Это было весьма дорогостоящее мероприятие. Начальник Комиссии иноверческих дел и помощник наместника Оренбургского края А.И. Тевкелев, отвечавший за контакты с казахами, просил императрицу Елизавету увеличить ему должностное жалованье, заложив туда сумму на угощение приезжих «киргиз-кайсаков»²⁷.

После упразднения ханской власти в Среднем и Младшем жузах в 1820-х гг. распорядок встреч с казахскими представителями стал более экономным. Теперь к главам областей и губерний съезжалась новая «номенклатура»: старшие султаны, волостные управители, начальники дистанций, аульные старшины и др. Зачастую такие мероприятия сводились к обмену речами, восхвалению правительственных милостей и награждениям. Иногда, чтобы оставить память о событии, местный высший чиновник всё же раскошеливался на обед в честь гостей, а те

²⁷ Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999. С. 226; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 652; Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.; СПб., 2005. С. 62; Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С. 90, 91, 95, 127.

устраи́вали праздни́ство с наро́дной борь́бой и ска́чками²⁸. В целом такое сокра́щение офици́альных проце́дур находи́лось в ру́сле характерного для XIX в. обще́го проце́сса упро́щения дипло́матических норм, когда пре́жние риту́алы посте́пенно отменя́лись, уступа́я место обы́чным деловым контактам²⁹.

К тому времени нечто подобное уже практиковалось российскими управителями в новоприсоединённой Тавриде в отношении приёмов татарской знати и духовенства. «Аудиенции» ограничивались обсуждением предмета переговоров, оглашением указов о наградах и производстве в чины, благодарственными мусульманскими молебнами³⁰.

Тем не менее перед «иногородцами» всё равно надлежало демонстрировать пышность и богатство резиденций и мероприятий — ведь они олицетворяли власть и беспредельные ресурсы империи. Аскетичная обстановка приёмов могла вызывать недоумение. Когда шамхал Тарковский впервые посетил сурового и неприхотливого Ермолова, то был удивлён скромным интерьером ставки и «признался, что имел сомнение, чтобы я был настоящий начальник, но... пришла ему мысль, что под именем своим прислал я другого генерала»³¹. Однако то было время надвигавшегося противостояния с горцами и ситуация не располагала к роскоши и показному ослеплению богатством.

Имперская власть осознала, что в контактах с народами восточных территорий чрезвычайное значение имел антураж своего представительства. Он выражался в том числе в военном сопровождении главы местной российской администрации. Не случайно для встречи казахских ханов выстраивались войска. Когда в ноябре 1867 г. новоназначенный туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман торжественно въезжал в Ташкент в сопровождении сотни конных казаков с обнажёнными саблями, таджики и сарты уважительно переговаривались: «Вот когда прибыл настоящий урус!» Принимая посетителей, Кауфман держал на видном месте указ Александра II о его назначении с перечислением полномочий. Он был написан золотыми чернилами и снабжён золотым переплётом³². И не напрасно: по кишлакам ходили восхищённые рассказы о царской «золотой книге», которой русский падишах наделил своего наместника.

Принцип «подарок-отдарок» действовал в этих краях неукоснительно. На представительские и дипломатические мероприятия генерал-губернатору ежегодно выделялось 35 тыс. руб. Для приёма и содержания ханских и эмирских послов этого хватало. Но в названную сумму надлежало укладываться и при оплате обязательных «отдарков» — и тут уже начинались трудности³³. Подносить дешёвые товары и изделия не годилось, и туркестанские власти просили увеличить сумму дотаций.

Расходы требовались и на экипировку войск. Служивые из частей, расквартированных в глухой провинции, на окраинах государства, часто носили потрёпанную форму, имели далеко не новое оружие. А ведь нужно было показать «иногородцам» военную силу империи, молодцеватых и блестяще вооружённых

²⁸ Приём депутации от киргиз Тургайской области г. оренбургским генерал-губернатором // Тургайские губернские ведомости. 1869. № 9. 1 марта. С. 49; *Рын-Песковский А.* В киргизской степи // Тургайская газета. 1895. № 24. 11 июня. С. 2—4.

²⁹ *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012. С. 438.

³⁰ См., например: *Александров И.Ф.* О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // Учёные записки Таврической учёной архивной комиссии. № 51. Симферополь, 1914. С. 214.

³¹ Записки Алексея Петровича Ермолова. С. 65.

³² *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 358.

³³ *Терентьев М.А.* Россия и Азия в Средней Азии. СПб., 1875. С. 331.

воинов, внушить почтение и страх перед мощью «белого царя». На приведение солдат в надлежащий вид тоже требовались деньги.

Начиная с 1886 г. жители Туркестанского края награждались от царского имени почётными и нарядными халатами (церемонии проводил генерал-губернатор). Для политической культуры региона именно такая форма отличия была привычной и традиционной, ибо так издревле и вплоть до наших дней выражается уважение к собеседнику, партнёру, гостю и т.д.³⁴ Именно о вручении халатов напоминал казахский хан Абулхайр оппозиционным султанам, попрекая их в неверности Екатерине II: «Она стала вам отцом и матерью; вы оделись в красную, зелёную и чёрную лисицу и в китайский шёлковый халат»³⁵.

Поначалу и бухарский эмир одаривал халатами присылаемых к нему чиновников и посыльных из Ташкента (резиденции туркестанского генерал-губернатора). На аудиенции у эмира им надлежало быть наряженными в эти подарки. Однако вскоре русские отказались следовать данному обряду. Неуютно было представлять могущественного наместника и великую империю, сидя в мешковатом азиатском наряде. Предлог для отказа нашёлся неоспоримый: нельзя ничем прикрывать эполеты и государственные награды на форменных мундирах. Эмир проникся этим доводом и продолжал жаловать халаты (обычай!), но теперь их стали складывать на стулья гостей. Обе стороны молчаливо согласились приравнять это к одеванию³⁶.

Несколько выбиваются из ряда приёмов депутаций в регионах разъезды управителей по своим «владениям». Как официальное общение наместников с представителями коренного населения являлось уменьшенным подобием столичных аудиенций, так и инспекционный осмотр подведомственных провинций во многом напоминал путешествия царственных особ по империи. Во время таких поездок губернаторов и наместников зримо проявлялся синтез русской и аборигенных культур, перемешивание обычаев и ритуалов, чего почти никогда не было при мероприятиях в царских дворцах. И туркестанский генерал-губернатор М.Г. Черняев, и кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич отправлялись в путь без большой охраны, демонстрируя, во-первых, надёжность своего правления и, во-вторых, доверие к местному населению. Чувствуя уместность такого показного миролюбия, они были готовы идти на риск, который оказывался оправданным. Кабардинцы в своих аулах встречали наместника хлебом-солью — «этим чисто русским выражением радушного гостеприимства, вошедшим также в обычай и между нашими туземцами». А адъютант Черняева во время следования своего патрона к дому какого-нибудь нужного ему мусульманина по восточной традиции разбрасывал толпе горсти монет³⁷.

В общении с «инородческими» подданными представителям местной власти приходилось преодолевать искушение. Со времени установления протектората над среднеазиатскими государствами в кабинеты управленцев и армейские штаб-квартиры устремился поток подарков от бухарских и хивинских владетелей. Эти щедроты грозили разложением администрации

³⁴ О функциях халата в качестве награды, поощрения, а иногда и наоборот — знака опалы см.: Соловьёва О.А. Визуальный язык власти (Бухарское ханство XIX — начала XX вв.) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998. С. 104—108.

³⁵ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. Т. I. С. 144.

³⁶ Крестовский В.В. В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887. С. 140.

³⁷ Бартольд В.В. Указ. соч. С. 352; Приезд Его Императорского Высочества государя великого князя Михаила Николаевича в Кабардинский округ Терской области // Терские ведомости. 1869. № 23. 4 июня. С. 2, 3.

и командования, порождали коррупционные настроения, дискредитировали государственную власть. В 1909 г. туркестанский генерал-губернатор собрал в Ташкенте совещание, на котором было единогласно решено запретить офицерам и чиновникам принимать подношения от бухарского эмира, хивинского хана и их сановников³⁸.

Подобное наблюдалось и на Кавказе. Назначенному в 1816 г. управляющим края А.П. Ермолову местные ханы стали наперебой доставлять драгоценные подарки и постоянно наталкивались на отказы аскетичного в быту генерала. Тогда ему стали предлагать баранов. Эти подношения Ермолов всё же принимал и в итоге стал обладателем семитысячной отары. Это поголовье он распорядился распределить между полками с запретом резать полученный скот в течение двух лет, чтобы тот продолжал размножаться, и расквартированный в Закавказье Грузинский корпус обеспечивал себя мясом и полушубками³⁹.

Существовали и добровольные пожертвования. Они делались по разным поводам и иногда представляли собой скрытую форму взятки. К примеру, в 1894 г. депутация казахов Тургайской области вручила военному губернатору Я.Ф. Барабашу 8 тыс. руб. в честь двадцатилетия области и в память его управления, попросив учредить на эти средства стипендию его имени в Петербургском университете⁴⁰. Неизвестно, какую часть этой суммы чиновник положил в свой карман. Может быть, казахи так и уговорились между собой: умаслить могущественного наместника под благовидным предлогом.

Ритуалы и символы несли в себе важнейшую социально-политическую функцию. В церемониально выстроенных акциях власть выказывала уважение к их традиционному жизнеустройству, являла внешне доброжелательное отношение к инокультурным устоям. Демонстрация по отношению к «инородцам» благосклонности и могущества верховной власти и её представителей на местах (вручение наград, званий, особых знаков отличия, церемонии инвеституры и пожалования, торжественные аудиенции, поездки царственных особ и чиновников по стране); со стороны подданных — демонстрация лояльности (клятвенные ритуалы, обрядовое почитание монарха, визиты ко двору) — всё это составляло внешнее оформление и проявление сложной этнической политики Российского государства. Как и сохранение традиционных элит, ритуально-символические акции примиряли неславянское население с русским господством, с необходимостью покоряться царю, его наместникам и чиновникам.

³⁸ Тухтаметов Т.Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. М., 1969. С. 57.

³⁹ Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816—1860. СПб., 2014. С. 40.

⁴⁰ Внутренняя почта // Новости и биржевая газета. 1894. № 79. 21 марта. С. 4.